

10
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

СЕМИКОЛЕННЫХ
МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Учение Оттона Фрейзингенского о двух градах в культуре XII века
Специальность 24.00.01 (Теория и история культуры)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

- 9 ДЕК 2010

Санкт-Петербург
2010

Работа выполнена на кафедре культурологии философского факультета
Санкт-Петербургского Государственного Университета

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Душин О. Э.

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Погоняйло А. Г.
кандидат культурологии, доцент
Ляшко А. В.

Ведущая организация: Санкт-Петербургский Государственный
Университет Водных Коммуникаций

Защита состоится «23» сентября 2010 года в 16⁰⁰ часов на заседании
совета Д.212.232.55 по защите докторских и кандидатских диссертаций при
Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-
Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5, факультет философии и
политологии, ауд. 161

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М.Горького
Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан «18» сентября 2010 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
Кандидат философских наук, доцент

А.А. Никонова

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена тем, что Оттон Фрейзингенский по праву считается одним из величайших историков Средневековья: практически ни один серьезный обзор средневековой историографии не обходится без упоминания его имени, краткого рассказа о двух его знаменитых сочинениях и констатации того факта, что они стали кульминационным пунктом развития историографического жанра той эпохи. Его сочинения содержат множество свидетельств о борьбе за Инвеституру и возвышения династии Штауфенов, а также о важных исторических событиях, свидетелем которых был сам епископ Фрайзинга, и позволяют полнее представить интеллектуальный ландшафт его времени, сочетавший элементы традиционной («монастырской учености») с ее безусловным преклонением перед авторитетом Св. Писания и Отцов Церкви с «новой логикой» и широким использованием складывающегося схоластического метода исследования. Таким образом, «Хроника, или История двух градов» и «Деяния императора Фридриха» представляют собой бесценный источник так называемого «Ренессанса XII века», одного из важнейших периодов средневековой истории, отмеченного разительным экономическим, политическим и культурным подъемом; этот период, вместивший в себя множество ярчайших исторических событий, отличается особой внутренней целостностью, и Оттон в силу своего происхождения, образования, высокого сана и влияния при дворе сначала Конрада III, а затем Фридриха I, оказался именно той фигурой, что смогла отразить всю сложность и противоречивость своего времени, изучение которой позволяет подойти к пониманию феномена средневекового «Возрождения». В сочинениях Оттона оказываются в той или иной степени затронуты все вопросы, решением которых были заняты люди той эпохи: начиная с проблемы различия между бытием и сущим и их соотношения и заканчивая вопросом о взаимоотношении духовной и светской властей. Именно это и заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к изучению его сочинений.

Хотя в западной науке существует длительная и богатая традиция исследований сочинений Оттона Фрейзингенского, в России его имя известно не так широко, как он того заслуживает, и потому появление исследования, посвященного его исторической концепции и помещающего ее в достаточно широкий культурный и философский контекст, представляется своевременным и актуальным.

Степень научной разработанности темы. Хотя изучение наследия Оттона Фрейзингенского началось уже в XVIII веке¹, ему, - как, впрочем, и средневековой историографии в целом, - долгое время не уделяли должного внимания. Какими бы литературными достоинствами и глубокомысленностью не отличались исторические сочинения средневековых историографов, для первых своих исследователей, историков-позитивистов, они представляли,

---

¹ K.W. Schumacher, Betrachtung über den Wert der historischen Schriften des ehemaligen Bischofs Otto von Freisingen // Finauer, Bibl. zum Gebrauch bayrischer Geschichte I [1772]. – SS. 139-168.

прежде всего, исторические источники, к тому же не слишком достоверные. Пожалуй, Оттону Фрейзингенскому повезло чуть больше: на его долю досталось не так уж много обычных в устах историков XIX века упреков в нескритичности, слепой приверженности авторитетам и путаности изложения: такие обвинения в адрес человека, предупреждавшего читателя, что в целях сохранения истины он допустит в своих сочинениях «некие высказывания против учителей или отцов», поскольку «лучше власть в руки людей, нежели, покрывая безобразное лицо румянами, отречься от долга историка»², казались бы необоснованными. Следует заметить, что «Деяния Фридриха» представлялись позитивистам произведением более ценным, нежели «Хроника»: ведь в этом сочинении содержался больший объем «новой» и «самостоятельной» информации об описываемом периоде времени и значительное число важных документов. В начале XIX века появилось три достаточно объемных, хотя и не систематических труда, посвященных Оттону и его историческим сочинениям: работы Б. Хубера [Huber]³, Л. Ланга [Lang]⁴ и Ф. Видемана [Wiedemann]⁵, вслед за которыми вышли ставшие классическими труды Ю. Хашагена [Hashagen]⁶, Э. Бернхайма [Bernheim]⁷ и Й. Шмидлина [Schmidlin]⁸. Будучи церковными историками, последние ставили перед собой задачу осмыслить историко-философские основания сочинений Оттона (хотя зачастую и подходили к ее решению довольно поверхностно). Отметим кстати, что Й. Шмидлин критикует своих предшественников за предвзятое, с его точки зрения, отношение к произведениям Оттона: по его мнению, они отказывают епископу фрейзингенскому в самостоятельности и новаторстве, сводя его идеи к представлениям Августина, Бернарда Шартрского, Гуго Сен-Викторского и совершенно не учитывая при анализе особенностей его характера и мировоззрения. В свою очередь, Шмидлин испытывал обостренный, личный интерес к Оттону и его трудам: будучи, в отличие от своих оппонентов, католиком, он претендовал на то, что может лучше понять близкого ему по своим взглядам средневекового прелата⁹.

Всех этих исследователей объединяет то, что центральной задачей становилось для них рассмотрение политических взглядов Оттона, его воззрений на отношения Церкви и государства, императора и папы Римского, что в значительной степени обеднило их работы.

² Письмо Оттона к Райнальду Дассельскому, приложенное к отправленной ко двору Фридриха I второй редакции «Хроники».

³ B. Huber, Otto von Freising, sein Character, seine Weltanschauung, sein Verhältnis zu seiner Zeit und seinen Zeitgenossen als ihr Geschichtschreiber, Munich, 1847.

⁴ L. Lang, Psychologische Charakteristik Ottos von Freising, Diss. inaug., Ausburg, 1852.

⁵ Th. Wiedemann, Otto von Freisingen nach seinem Leben und Wirken, Passau, 1849.

⁶ J. Hashagen, Otto von Freising als Geschichtsphilosoph und Kirchenpolitiker // Leipziger Studien aus dem Gebiet der Geschichte VI, 2 (1900).

⁷ E. Bernheim, Der Character Ottos von Freising und seiner Werke // Mittheilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, VI (1885). – SS. 1-51.

⁸ J. Schmidlin, Die geschichtsphilosophische und kirchenpolitische Weltanschauung Ottos von Freising. Ein Beitrag zur mittelalterlichen Geistgeschichte // Studien und Darstellungen aus dem Gebiete der Geschichte IV, 2/3, Freiburg im Breisgau, 1906.

⁹ Ibid. – SS. 3-4.

Новый этап в исследовании средневековой историографии начался под влиянием неокантианства, поставившего проблему познающего сознания и заставившего пересмотреть традиционные взгляды на взаимосвязь исторической реальности, источника, из которого можно черпать сведения об этой реальности, и исследователя. В середине 30-ых годов XX века Й. Шпёрль указал на необходимость изучать идейный, прежде всего политико-философский фон, определивший характер отбора средневековым автором материала и его интерпретации¹⁰. Неогегельянец Б. Кроче впервые показал, что сама историография имеет историю, и что существуют принципиальные различия между осмыслением исторической реальности в разные эпохи. После Второй мировой войны возникли два новых направления исследований: история идей (*Ideengeschichte*) и история ментальностей (*Histoire des mentalités*). Странники истории идей, неудовлетворенные характерным для доминировавшей в тот момент истории духа (*Geistesgeschichte*) изучением теологических и философских концепций вне их связи с исторической реальностью, стремились выявить взаимосвязи реальных событий и абстрактных идей с тем, чтобы продемонстрировать, какое влияние оказали последние на ход истории и ее осмысление в историографии. Историография, таким образом, понималась ими как история представлений об историческом процессе. Иначе подходили к этим проблемам сторонники истории ментальностей, основы которой были заложены трудами М. Блока¹¹ и Л. Февра и впоследствии развиты учеными школы «Анналов». При всем характерном для школы «Анналов» разнообразии взглядов и методов, относившие себя к этому направлению научной мысли ученые стремились к созданию исторической науки, которая стала бы наукой о человеке, мыслящем и чувствующем существо, живущем в обществе. Особый интерес исследователей вызывали разного рода «социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности», выражающие «не столько индивидуальные установки личности, сколько внеличную сторону общественного сознания»¹², - то есть собственно «ментальности». Этими идеями вдохновлялись такие исследователи, как Кассиан Хайд [Haid], в 30-е годы XX века попытавшийся дать общую характеристику личности епископа Фрейзингенского¹³, Паоло Бреци [Brezzi]¹⁴, уделивший особое внимание историческому периоду, в который писал Оттон, и его интеллектуальному

¹⁰ См., например, Spörl J. Grundlagen hochmittelalterlicher Geschichtsanschauung // Studien zum Weltbild der Geschichtsschreiber des 12. Jahrhunderts, München, 1935. – SS. 51-72.

¹¹ Особую роль формирования понятия «ментальность» сыграла книга М. Блока «Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии» / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. Предисл. Ж. Ле Гоффа. Науч. ред. и послесл. А. Я. Гуревича М., 1998.

¹² Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии. // Всеобщая история: Дискуссионные подходы. Вып. 1, М., 1989. – С. 75.

¹³ K. Haid, Otto von Freising // Cistercienser-Chronik 44 (1932). – SS. 59-71, 91-102, 131-44, 189-203, 222-34, 253-67, 287-99; 45 (1933). – Ss. 33-44, 66-77, 101-105, 132-38, 163-75, 205-16, 233-40, 261-77.

¹⁴ Paolo Brezzi, Ottone di Frisinga, *Bullettino dell'Istituto storico italiano per il medio evo* 54 (1939). – pp. 129-328. Кроме того, есть еще одна итальянская работа: Alessandro Passerin d'Entrèves, Ottone di Frisinga e la storiografia del medio evo, *Rivista internazionale di filosofia del diritto* 20 (1940). – pp. 360-67.

ландшафту, а также авторы множества других статей и монографий, посвященных отдельным вопросам, связанным с произведениями Оттона Фрейзингенского¹⁵. Все эти работы значительно расширили представления исследователей о епископе. Затрагивалась его биография¹⁶, предложенная им интерпретация идей Августина¹⁷, его политические¹⁸, метафизические¹⁹, теологические воззрения²⁰. Предметом отдельной дискуссии стало сложное соотношение между двумя произведениями Оттона: «Хроникой» и «Деяниями Фридриха»²¹. Особо следует сказать о монографиях, авторы которых рассматривали творения Оттона Фрейзингенского в ряду других исторических сочинений эпохи Средневековья и конкретно XII века²².

Следующий важный этап в осмыслении средневековой историографии связан с деятельностью исследователей, принадлежавших к историко-антропологическому направлению (особенно интересны работы Б. Гене и Ф.-Й. Шмале), сделавших объектом своих штудий собственно историческое знание, а также деятельность средневековых историков, стремившихся определить место истории в системе средневекового знания, выявить методы работы историков, их отношение к источникам и принципы отбора материала, отношения с

¹⁵ Следует отметить, что интерес к трудам Оттона особенно обострился в Германии в 30-40-е годы XX века: вновь оказались востребованными национальнообразующие мифы, источником которых легко становились «Хроника» и «Деяния».

¹⁶ Основным источником сведений о биографии Оттона являются 54 строки *Annales Austriae*, hrsg. W. Wattenbach, *Continuatio Claustroneoburgensis Prima* // *Monumenta Germaniae Historica Scriptorum Tomus, IX* (Hannover, 1851). – SS. 610-611. Важные работы вошли в сборник *Otto von Freising. Gedenkgabe zu seinem 800. Todesjahr*, hrsg. Joseph A. Fischer // *Sammelblatt des Historischen Vereins Freising 23*, Freising 1958.

¹⁷ H. Müller, *Die Hand Gottes in der Geschichte. Zum Geschichtsverständnis von Augustinus bis Otto von Freising* (Diss.), Hamburg, 1949; J. Spörl, *Die "Civitas Dei" im Geschichtsdncken Ottos von Freising* // *Geschichtsdncken und Geschichtsbild im Mittelalter. Ausgewählte aufsätze und arbeiten aus den Jahren 1933 bis 1959*. Hrsg. vor Walther Lammers. Darmstadt, 1961. – SS. 298-320. H. M. Klinkenberg, *Der Sinn der Chronik Ottos von Freising* // *Aus Mittelalter und Neuzeit. FS für Gerhard Kallen*, Bonn, 1957. – SS. 63-76. См. также Anny Hartings, *Civitas Dei – Civitas Mundi in den Werken Ottos von freising im Hinblick auf Augustins "De Civitate Dei"*, Diss. (ms.), Bonn, 1943 и Robert Folz, *Sur les traces de Saint Augustin. Otton de Freising, historien des deux cités* // *Collectanea ordinis Cisterciensium reformatorum 20* (1958). – pp. 327-45.

¹⁸ См., например, E.F. Otto, *Otto von Freising und Friedrich Barbarossa* // *Geschichtsdncken und Geschichtsbild im Mittelalter. Ausgewählte aufsätze und arbeiten aus den Jahren 1933 bis 1959*. Hrsg. vor Walther Lammers. Darmstadt, 1961. – SS. 247-277; J. Spörl, *Grundlagen hochmittelalterlicher Geschichtsanschauung* // *Studien zum Weltbild der Geschichtsschreiber des 12. Jahrhunderts*, München, 1935. – SS. 51-72; M. Schaub, *Geschichtssreibung als "Propaganda"? Das Geschichtswerk des Otto von Freising im Konflikt zwischen Kaiser und Papst. 2009*.

¹⁹ Философским взглядом Оттона Фрейзингенского посвятил подробную статью Й. Шмидлин: *Die Philosophie Ottos von Freising* // *Philosophisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft, XVIII* (1905), Fulda. – SS. 156-175, 312-323, 407-423. Особое внимание следует обратить на работы Йозефа Коха [Koch] *Die Grundlagen der Geschichtsphilosophie Ottos von Freising* // *Geschichtsdncken und Geschichtsbild im Mittelalter. Ausgewählte aufsätze und arbeiten aus den Jahren 1933 bis 1959*. Hrsg. vor Walther Lammers. Darmstadt, 1961. – SS. 321-349 и Ганса Клинкенберга *Der Sinn der Chronik Ottos von Freising* // *Aus Mittelalter und Neuzeit. FS für Gerhard Kallen*, Bonn, 1957. – SS. 63-76.

²⁰ См., например, Müller M. *Beiträge zur Theologie Ottos von Freising* (St. Gabriel Studien 19), Mödling b. Wien, 1965.

²¹ См., например, Munz P. *Why did Rahewin stop writing the Gesta Friderici? A further consideration* // *The English Historical Review*, v. 84, # 333 (1969). – pp. 771-779; E.F. Otto, *Otto von Freising und Friedrich Barbarossa* // *Geschichtsdncken und Geschichtsbild im Mittelalter. Ausgewählte aufsätze und arbeiten aus den Jahren 1933 bis 1959*. Hrsg. vor Walther Lammers. Darmstadt, 1961. – SS. 247-277; Koch J. *Die Grundlagen der Geschichtsphilosophie Ottos von Freising* // *Ibid.* – SS. 321-349; Morrison Karl F. *Otto of Freising's Quest for the Hermeneutic Circle* // *Speculum*, v. 55, # 2 (1980). – pp. 207-236.

²² Одна из последних работ на эту тему: Schwarzbauer F. *Geschichtszeit: über Zeitvorstellungen in den Universalchroniken Frutolfs von Michelsberg, Honorius' Augustodunensis and Ottos von Freising*. Berlin, 2005.

аудиторией, жанровые особенности исторических произведений и т.д.²³ Правда, историко-антропологические исследования были ориентированы, прежде всего, на создание обобщенного образа средневекового историка. Этот недостаток деталей и подробностей, имеющих отношение к конкретной эпохе, социокультурной среде или обстоятельствам жизни отдельного человека был восполнен в рамках «истории представлений» (*Vorstellungsgeschichte*), методологические позиции которого были наиболее отчетливо сформулированы Г.-В. Гётцем [Goetz], автором одного из важнейших исследований наследия Оттона Фрейзингенского²⁴. Гётц счел нужным обратить особое внимание на фигуру самого средневекового историографа, исследовать обстоятельства его жизни, его собственные представления об описываемых им событиях и рефлексию по их поводу, и, таким образом, выделить различные элементы его мировоззрения: социокультурные представления, свойственные тому общественному слою, к которому историограф принадлежал, характерные черты групповых ментальностей и специфические личные воззрения. Таким образом, в фокусе исследовательского интереса оказывается не описываемая историографом объективная историческая реальность, а ее отражение в восприятии самого историографа. Именно в монографии Г.-В. Гётца были подведены итоги исследовательской работы многих десятилетий. Произведения Оттона были помещены им в широкий культурно-исторический и философский контекст; он проследил связи представлений фрейзингенского епископа с идеями, как его современников, так и предшественников, и особо остановился на оттоновой интерпретации учения Августина о двух градах. Как пишет сам Гётц, его целью было дать систематическое изложение представлений Оттона об истории, раскрыть его замысел на основании новейших исследований и, одновременно, продемонстрировать на примере его исторических сочинений своеобразие европейской историографии XII века²⁵.

Другое направление в области исследования средневековой историографии связано с развитием структурной лингвистики и семиотики. Сторонники этого направления рассматривают исторические тексты как литературный дискурс, представляющий собой не столько отражение исторической реальности, сколько совокупность поддающихся истолкованию значений, культурных кодов, моделей и схем. Причем за текстом, с их точки зрения, стоит лишь текст, а скрывающаяся за ним реальность постоянно «откладывается», и достичь ее невозможно. Историческая реальность становится «вне присутствием, а эффектом присутствия»²⁶. Историческое сочинение оказывается принципиально сходным с литературным произведением, и для его создания зачастую используются устойчивые риторические приемы и стилистические формулы. Х. Уайт, автор одной из влиятельнейших постмодернистских работ

²³ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / пер. Е.В. Баевской, Э.М. Береговой. М., 2002.

²⁴ H.-W. Goetz, *Das Geschichtsbild Ottos von Freising. Ein Beitrag zur historischen Vorstellungswelt und zur Geschichte des 12. Jahrhunderts*, Köln/Wien 1984.

²⁵ *Ibid.* – S. 20.

²⁶ Spiegel Gabrielle M. *History, Historicism, and the Social Logic of the Text in the Middle Ages* // *Speculum*, v. 65 (1990). – p. 63.

об историографии, на первых же страницах своей «Метаистории» заявляет, что, по его мнению, наиболее продуктивный подход к изучению историографии – это серьезное отношение к ее литературному аспекту. В качестве инструмента анализа исторического дискурса Уайт использует тропологию – теоретическое объяснение всех способов, какими различные типы фигур создают различные типы образов и связи между ними, способные служить знаками реальности, которую можно лишь вообразить, а не воспринять непосредственно²⁷. «Любое исследование конкретного исторического дискурса, игнорирующее тропологическое измерение, – отмечает Уайт, – обречено на неудачу в том смысле, что в его рамках невозможно понять, почему данный дискурс «имеет смысл» вопреки фактическим неточностям, которые он может содержать, и логическим противоречиям, которые могут ослаблять его доказательства»²⁸. Такой подход значительно обогащает наши знания о средневековых исторических сочинениях и позволяет прояснить ряд вопросов, связанных, в первую очередь, с принципами построения произведений, их структурой и характером подбора авторами исторического материала. С этой позиции подходят к сочинениям Оттона Фрейзингенского такие ученые, как Т. Лехтонен [Lehtonen]²⁹, С. Бэгж [Bagge]³⁰ и П. Мюнц [Munz]³¹.

Однако такая абсолютизация литературного дискурса не свободна от недостатков. «Если воображаемое реально, а реальное воображаемо, и для их различения нет эпистемологических оснований, невозможным оказывается создание объяснительной иерархии, которая устанавливала бы причинно-следственные связи между историей и литературой, жизнью и мышлением, означаемым и означающим»³². Потребовалось переосмыслить взаимосвязи текстов и их социально-культурного контекста, выявить механизмы формирования идей о прошлом и их трансляции, их взаимоотношений с настоящим. Понятия истины и исторической реальности были до определенной степени «реабилитированы»: проблема истины сменилась проблемой адекватности и аккуратности интерпретации³³. Этот новый подход к изучению средневековой историографии позволяет выйти за рамки конкретного текста и, уже на новой методологической основе, заняться изучением широкого контекста исторического сочинения, выявляя и исследуя взаимосвязи с историческим, социокультурным и интеллектуальным фоном, на котором оно

²⁷ Как подчеркивает сам Х. Уайт: «Невозможно узаконить способ, коорым люди соотносят себя с прошлым, потому что прошлое... есть территория фантазии» (Интервью с Х. Уайтом // Доманска Эва. Философия истории после постмодернизма / Пер. М. А. Кукарцевой. М., 2010. – С. 32).

²⁸ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой. Екатеринбург, 2002. – С. 9.

²⁹ Lehtonen Tuomas M.S. History, Tragedy and Fortune in twelfth-century historiography, with special reference to Otto of Freising's *Chronica* // *Historia: the Concept and Genres in the Middle Ages* / ed. T.M.S. Lehtonen, P. Mehtonen, Helsinki, 2000. - pp. 29-45.

³⁰ Bagge S. Ideas and narrative in Otto of Freising's *Gesta Frederici* // *Journal of Medieval History*. Vol. 22, # 4, 1996. – pp. 345-377.

³¹ См. выше прим. 1.

³² Spiegel Gabrielle M. History, Historicism, and the Social Logic of the Text in the Middle Ages // *Speculum*, v. 65 (1990). – p. 68.

³³ Доманска Эва. Само-интервью // *Idem. Философия истории после постмодернизма* / Пер. М. А. Кукарцевой. М., 2010. – С. 388.

создавалось, другими произведениями сходных (или, напротив, достаточно далеких) жанров, цитируемыми автором текстами, концепциями, к которым он обращался, традиционными способами интерпретации этих концепций и теми изменениями, которым такая традиция подвергалась в каждом конкретном случае. Все это позволяет полнее и глубже понять изучаемые сочинения, по возможности избегая при этом анахронизма.

В России имя Оттона Фрейзингенского, к сожалению, известно не так широко, как он того заслуживает. Безусловно, о фрейзингенском епископе упоминали представители Петербургской школы медиевистики конца XIX – начала XX веков. Так, достаточно подробно останавливался на фигуре историографа П.М. Бицилли, для которого «Хроника» Оттона была интересна прежде всего потому, что в ней получили дальнейшее развитие идеи Августина³⁴. Имя Оттона можно встретить на страницах «Источниковедения западного средневековья» О.А. Добиаш-Рожественской, хотя исследовательница говорит о нем только как об историке Второго крестового похода³⁵. Упоминает об Оттоне (в связи с августиновскими представлениями об истории) С.С. Аверинцев³⁶. Его имя появляется на страницах нескольких других монографий, посвященных средневековой историографии Западной Европы³⁷. В разные годы выходили также статьи, специально посвященные его концепции истории³⁸. Переводы отдельных фрагментов «Хроники, или Истории двух градов»³⁹ и «Деяний императора Фридриха» вошли в хрестоматии по литературе и истории Средневековья⁴⁰.

Цель исследования - показать, какие события и явления первой половины XII века (в особенности, интеллектуального характера) оказали влияние на учение Оттона Фрейзингенского об истории, и каким собственно было это влияние, тем самым, определить место Оттона Фрейзингенского в

³⁴ Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М., 2006. – С. 199-201.

³⁵ Добиаш-Рожественская О. А. Источниковедение западного средневековья // Idem. Культура западноевропейского Средневековья. М., 1987. – С. 54, 84. См. также: Idem. Эпоха крестовых походов (Запад в крестовом движении): Общий очерк. Изд. 3-е. М., 2010. – С. 69-70.

³⁶ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. – С.106, 330.

³⁷ Вайнштейн О.Л. Западновропейская средневековая историография. М.; Л., 1964; Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963; Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.

³⁸ Касьянов Э.И. К вопросу о всемирно-исторической концепции Оттона Фрейзингенского // Методологические и историографические вопросы исторической науки, # 2 (1964), Томск. – С. 211-227; Idem. Оттон Фрейзингенский как историк средневековой немецкой империи // Методологические и историографические вопросы исторической науки, # 7-8 (1972), Томск. – С. 181-191; Цыпина Л. В. Провиденциальная история: Образец и интерпретация // Verbum. Выпуск 4. Философия Уильяма Оккама: традиции и современность. СПб., 2001. – С. 17-38.

³⁹ Оттон из Фрайзинга. Хроника, или История о двух царствах (Пролог к I книге и V книга, глава 35) / пер. Т.И. Кузнецовой // Средневековая латинская литература IV-XI вв. М., 1970. – С. 407-410. Оттон Фрайзингский. О будущей жизни. «Хроника, или История двух градов», Книга VIII / Пер. О.Б. Морозовой, под ред. М. Бойцова // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. М., 2006. – С. 107-152.

⁴⁰ Оттон Фрейзингенский. Вещья в эпоху Крестовых походов // История Средних веков: Крестовые походы (1096-1291 гг.). Сост. М.М. Стасюлевич. СПб., 2001. – С. 95; Оттон Фрейзингенский. Второй крестовый поход (по рассказу очевидца) // Ibid. – С. 286-292; там же помещен перевод написанного Рахевинем некролога Оттона: Радевик. Слово современника об Оттоне Фрейзингенском (около 1170 г.) // Ibid. – С. 292-294. Оттон из Фрайзинга. Деяния императора Фридриха I (I, 47, 65, 66) / пер. Т.И. Кузнецовой // Средневековая латинская литература IV-XI вв. М., 1970. – С. 411-412.

западноевропейской средневековой мысли. Соответственно, были поставлены следующие задачи:

1) описать культурный контекст, в рамках которого Оттоном были созданы «Хроника, или История двух градов» и «Деяния императора Фридриха I»;

2) рассмотреть учение Аврелия Августина о двух градах, послужившее Оттону Фрейзингенскому исходным пунктом для создания его собственного учения об истории;

3) выявить особенности средневековой историографии как литературного жанра и сформулировать, в чем заключается жанровое своеобразие «Хроники»;

4) определить, каковы логико-метафизические основания учения Оттона Фрейзингенского об истории;

5) рассмотреть традиционные для средневековой исторической мысли принципы и концепции, которыми Оттон руководствовался при написании «Хроники» и то, каким образом они были им преобразованы;

6) сформулировать основные положения учения Оттона Фрейзингенского о двух градах, показать, в чем заключаются его отличия от учения, выдвинутого Августином, и как понимание Оттоном проблемы соотношения двух градов отразилось на его представлениях о взаимоотношениях духовной и светской властей.

Объектом исследования для нас являются сочинения Оттона Фрейзингенского, рассматриваемые в контексте культуры современной ему эпохи. В качестве **предмета исследования** выступают теоретические принципы, положенные Оттоном в основу его исторических сочинений. При этом мы полагаем исключительно важным показать как традиционность этих теоретических положений, так и те изменения, которые были предложены Оттоном.

Наше стремление связать конкретные теоретические положения учения Оттона об истории и принципы построения его исторических сочинений как с диспозициями современной ему культуры, так и с философскими представлениями более ранних эпох, определило выбор комплексного исторического и культурологического анализа в качестве основного **метода исследования**. Применение этого метода позволило нам рассмотреть интересующие нас феномены средневековой культуры в их внутренней динамике и показать, что концепция истории Оттона Фрейзингенского является плодом длительного и многогранного развития представлений об истории, бывшего, в свою очередь, отражением процесса эволюции средневековой культуры. При решении конкретных исследовательских задач мы обращались также к методу интерпретации культурно-контекстуального анализа и сравнительного анализа.

Основным **источником** стали для нас два сочинения Оттона Фрейзингенского: «Хроника, или История о двух градах» (преимущественно издание 1974 года под редакцией Вальтера Ламмерса) и «Деяния императора Фридриха» (издание 1965 года, подготовленное Ф.-И. Шмале и А. Шмидтом). В качестве дополнительных материалов привлекались разнообразные

исторические сочинения эпохи Средневековья, а также ряд философских и богословских произведений, трактующих проблемы времени и истории.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном подходе к рассмотрению идейного содержания исторических сочинений Оттона Фрейзингенского, при котором чисто исторический материал исследуется во взаимосвязи с философскими и богословскими представлениями. Обстоятельства жизни, взгляды и произведения Оттона рассматриваются в контексте западноевропейской культуры начала XII века, специфические черты которой нашли ярчайшее выражение в его «Хронике» и «Деяниях».

Апробация. Основные положения диссертационного исследования отражены в статьях, опубликованных по теме данной работы, а также сообщались в докладе, прочитанном в ходе научной конференции «Принцип *coincidentia oppositorum* Николая Кузанского и традиция европейского платонизма» 25 июня 2009 года.

Текст диссертации обсуждался на заседании кафедры культурологии философского факультета СПбГУ в июне 2010 года, был одобрен и рекомендован к защите.

Теоретическая ценность исследования определяется комплексным подходом к изучению произведений Оттона Фрейзингенского, позволяющим уточнить и дополнить традиционные представления не только об интерпретации епископом проблем времени и истории, но и в целом об историографии Средневековья и ее месте в существовавшей в ту эпоху системе знания.

Практическая значимость исследования заключается, в первую очередь, в возможности использования его результатов при подготовке перевода сочинений Оттона Фрейзингенского на русский язык и научного комментария к такому переводу. Выводы диссертации могут быть использованы при составлении учебных программ, чтении лекционных курсов и семинаров по истории средневековой культуры, а также послужить основой для дальнейших исследований.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Существуют четкие связи между социокультурным и философским контекстом мысли Оттона Фрейзингенского, а также обстоятельствами его жизни и его историческими сочинениями, их композицией и идейным содержанием. Произведения Оттона являются не только вершиной средневековой историографии, но и отражением эпохи «Возрождения XII века».

2) Представления Августина о времени лишены подлинной динамики, внутреннего развития. Два града Августина статичны, по сути своей неизменны: это, скорее, моральные категории, нежели какие-либо реальные исторические сообщества. В свою очередь, Оттон Фрейзингенский по-новому осмысляет учение о двух градах, выделяя определенные стадии их развития и отождествляя образованный ими единый и объемлющий весь христианский мир - смешанный град, *civitas permixta* - с Церковью.

3) «Хроника, или История о двух градах» Оттона представляет собой сочетание двух основных жанров средневековой историографии, а именно всемирной хроники (краткого изложения событий мировой истории в хронологических таблицах) и истории (связного и законченного рассказа). Важно, что сам историограф видит в «Хронике» не столько историю, сколько «горестную трагедию», противопоставляя ее своему второму сочинению - «Деяниям императора Фридриха». Наряду с общностью высказываемых в обоих произведениях идей, это противопоставление дает основание рассматривать «Хронику» и «Деяния» как части единого целого, взаимно друг друга проясняющие и дополняющие.

4) Вечность и неизменность Бога и бесконечная изменчивость сотворенного мира, в котором человек – самое изменчивое из творений, становятся основанием для формулировки двух «законов», определяющих, согласно Оттону, ход истории: «закон всеобщей изменчивости» и «закон бедствий». Таким образом, «Хроника» и «Деяния» оказываются пространной и сложной иллюстрацией философских и богословских воззрений Оттона Фрейзингенского.

5) В отличие от Августина, Оттон не противопоставляет Церковь миру: Церковь у него включает в себя Царство, объемлет и клириков, и мирян. Отсюда общность интересов и духовных, и светских властей, и нежелание четко отделять их одну от другой. Император, верховный правитель, занимает в Церкви, по его мнению, положение столь же высокое, как и папа, но остается при этом мирянином и, следовательно, духовным сыном последнего, играющим в церковной общине роль, отличную от роли духовного отца.

6) На примере исторических сочинений Оттона Фрейзингенского можно выявить начальный этап формирования представлений о причинности и внутренней логике истории. Таким образом, учение Оттона об истории можно назвать если не первой подлинной философией истории, то своего рода приурочением к ней.

II. Основное содержание работы

Структура исследования сформирована в соответствии с целями, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, двух глав, подразделяющихся на параграфы и подразделы, заключения и списка использованной литературы.

Во **Введении** обосновывается важность и актуальность избранной темы, указывается цель и задачи исследования, его предмет и объект, определяется методологическая база работы.

Глава I, посвященная личности Оттона Фрейзингенского, описанию обстоятельств его жизни, а также составления им исторических сочинений и их социокультурному контексту делится, в свою очередь, на три параграфа. В **первом параграфе**, где дается очерк истории исследования произведений Оттона, мы, прежде всего, обращаем внимание на неизменно высокую оценку, дававшуюся этим произведениям учеными-историками. «Хроника» и «Деяния»

представлялись вершиной историографии XII века, который, в свою очередь, описывался не просто как эпоха одного из многих «средневековых Возрождений», но и, в частности, как время расцвета историографии: обновление во многих сферах жизни влекло за собой переоценку прошлого, настоящего и будущего, что, в свою очередь, означало появление множества новых исторических сочинений.

Первая редакция «Хроники, или Истории о двух градах», посвященная брату Изингриму, монаху монастыря св. Ульриха, избранного 15 августа 1145 года аббатом монастыря Оттенбаума (по смерти предшествовавшего аббата Руперта), была создана в период с 1143 по 1146 годы. Это первое издание «Хроники» до наших дней не дошло: возможно, не существовало других экземпляров, кроме авторского и подаренного Изенгриму, который, по-видимому, погиб при пожаре⁴¹. Вторая, переработанная и дополненная редакция «Хроники», посвященная Фридриху I Барбароссе, была отослана Оттоном ко двору царственного племянника вместе с аббатом монастыря Св. Стефана Фрейзингенского Работо и капелланом Рахевином. Приложенное к ней письмо Оттона Фридриху написано после 24 марта 1157 года. Именно этот текст лежит в основе многочисленных списков «Хроники» и более поздних ее изданий, первое из которых было подготовлено в 1515 году в Вене австрийским гуманистом Иоганном Куспинианом и посвящено императору Священной Римской Империи Максимилиану I, положившему начало объединению австрийских земель Габсбургов. Востребованность идей Оттона объясняется тем, что на рубеже XV-XVI вв. начало выкристаллизовываться понятие единой Германии, и немецкоязычные патриоты были воодушевлены поиском общенациональной идеи. Важную роль в этом процессе сыграло учение Оттона о делавшем Германию прямой наследницей Римской империи «переносе» власти и учености, *translatio imperii et sapientii*, ибо вопрос о том, какая из наций наследует славе, власти и мудрости Рима и несет бремя ответственности за будущее христианского мира, стал в споре складывающихся наций одним из ключевых. Следует отметить, что интерес к трудам Оттона вновь обострился в Германии в 30-40-е годы XX века: нациообразующие мифы, источником которых легко становились «Хроника» и «Деяния», опять оказались широко востребованными.

Обзор основных научных работ, посвященных Оттону Фрейзингенскому и его сочинениям, а также их методологических оснований позволяет нам вновь подчеркнуть приоритетные для данного исследования направления работы: важным является не только социокультурный фон, на котором формировались взгляды Оттона, но и история по-новому интерпретировавшихся им философских и богословских концепций. Оттон Фрейзингенский – не только одна из тех фигур, что отражают всю сложность и противоречивость своего времени, но и наследник древней традиции христианской мысли, через Отцов Церкви и неоплатоников, восходящей к великим философам Античности.

---

⁴¹ A. Hofmeister, Praefatio // *Chronica sive Historia de duabus civitatibus*, hrsg. von Adolf Hofmeister, MGH SS rer. Germ. (45), Hannover/Leipzig 1912. – S. XIII.

Во втором параграфе подробно рассматриваются те явления и события конца XI – начала XII века, что обусловили специфику рассматриваемого периода. Начавшийся в этот период процесс «завоевания» новых пространств, равно как смягчившийся климат и выросшие урожаи способствовали росту населения и интенсификации экономических отношений, что в свою очередь влекло рост числа городов. Их роль становилась все заметнее, и постепенно вслед за экономическим влиянием росло политическое. Напряженная экономическая и общественная жизнь повлекли за собой увеличение спроса на грамотных, образованных людей: их поставляли городские школы, некоторые из которых со временем приобрели самостоятельность и послужили основой для создания университетов. Все это вело к появлению особой городской ментальности. Однако при всей важности роли городов основными игроками на политической арене оставались князья мира и князья Церкви. Здесь не место останавливаться на подробностях борьбы за власть между папами и императорами: достаточно только отметить, что одним из результатов этой борьбы стало изменение способов легитимации власти и существенное усложнение системы управления, что привело к появлению особой социальной группы ученых-интеллектуалов, чьи ценности и правила поведения заметно отличались от ценностей и норм, распространенных среди их современников.

Одновременно с этим происходили глубокие преобразования в сфере религиозной жизни, которая значительно усложнилась. Многочисленные реформаторы стремились радикальным образом отделить монахов от мирян, связав последних обетами бедности, смирения и безбрачия. Это, с одной стороны, привело к уточнению значений слов «духовное лицо», «клирик» и «мирянин» (уже один этот факт свидетельствует об усложнении социальной структуры общества), а, с другой, к введению в обиход понятия «Христианский мир», к которому принадлежало и духовенство, и миряне. Если результатом григорианской реформы стало решительное размежевание между духовенством и мирянами, то уже проповедники Первого крестового похода сместили акценты на противопоставление христиан и их противников (в первую очередь, сарацин), а «христианского мира» – другим народам (именно в этническом смысле), населяющим далекие земли.

Как уже было сказано, особая социальная группа образованных людей и профессиональных ученых появилась в XII веке, когда древние монастырские школы уступили первенство школам при кафедральных соборах в епископских городах. Преподававшие там магистры учили, будто человеческий разум был сотворен способным постигнуть как цели Творца, так и Его творение, и что даже после грехопадения, благодаря особому божественному откровению и усилиям ученых, устройство мироздания и его история могут считаться доступными для понимания. Предназначение человека изначально состояло в «возделывании и охране» божественного творения, и именно в университетских стенах люди могли вновь вернуться к обязанности приводить все элементы сотворенного мира в согласие с божественной волей, прилежно изучая учение Церкви и законы природы, и приводя жизнь общества и отдельного индивида в соответствие с ними. Достижению этой цели

способствовало и широкое использование схоластического метода мышления, для которого было характерно совмещение догматических предпосылок с рационалистической методикой, причем отношения между догматами веры и рассудком мыслились необычно рациональными и ориентированными на внутреннюю и внешнюю системность, несмотря на то, что за верой всегда оставалось первое место. В этом состоит предпосылка особого ученого, «университетского» благочестия. Для интеллектуалов Средневековья сверхъестественное и принципиально недоступное человеческому познанию не было вызовом или оскорблением: они воспринимали его как естественную границу умопостигаемого мира, проницаемую только для немногих избранных и даже для них – лишь в особых условиях. Характерными чертами этоса преподавателей соборных школ того периода были уважение к авторитетному тексту и преклонение перед мудростью древних, не исключавшее, конечно же, своего рода интеллектуального оптимизма, стремления к новаторству и веры в собственную способность узнать больше, а также высокая оценка эмоций, внимание к движениям индивидуальной души и стремление разделить их с единомышленниками.

Итак, в начале XII века культура западного Христианского мира пережила подлинный расцвет; этот расцвет не прошел незамеченным и для людей того времени. Однако обращает на себя внимание тот факт, что интересующую нас эпоху характеризует не только воодушевление и своеобразный «оптимизм»: говоря о времени, в которое им довелось жить, интеллектуалы XII века постоянно сетуют на всеобщее небрежение ученостью и на старость приходящего в упадок мира. «Возрождение XII века» не свободно от болезненных противоречий и конфликтов, нашедших отражение в сочинениях (а, возможно, и в чем-то определивших судьбу) Оттона Фрейзингенского.

В **третьем параграфе** освещаются обстоятельства жизни Оттона: его происхождение (на страницах «Хроники» епископ доказывал, что род его восходит к Карлу Великому) и высокое положение членов его семьи, учеба в Париже, принятие монашеских обетов в новом ордена цистерцианцев и недолгое время, в течение которого он был аббатом Моримунда; деяния, совершенные после занятия епископской кафедры Фрайзинга, участие в дипломатических миссиях и Первом крестовом походе, а также причины составления двух его знаменитых сочинений. Кроме того, нами не мог быть не упомянут написанный воспитанником и секретарем Оттона некролог, житие идеального святого-епископа, сочетавшего активную деятельность на своем посту с личным аскетизмом, жившего и умершего именно так, как и подобает подлинному христианину. Те же традиционные топосы агиографической литературы мы находим в эпитафии, которую Рахевин написал на кончину своего патрона.

Глава II посвящена традиционным представлениям о времени и истории в культуре Средних веков и интерпретации, даваемой этим концепциям Оттоном. Глава делится на четыре параграфа.

В **первом параграфе** рассматриваются античные представления о времени и вечности, разбор которых позволяет полнее и глубже понять характер

существенных изменений, привнесенных в интерпретацию этих понятий мыслителями-христианами. Экскурс начинается с раскрытия позиций Парменида (по мнению которого, в бытии не может быть никакого становления (ибо то, что становится, еще не есть, а то, что есть, не нуждается в становлении), никакого движения, а, следовательно, и времени, - только вечное настоящее), Гераклита (у которого все вещи постоянно претерпевают изменения и «тонут в жизни других», при этом образуя космос, в котором «собранность», *λόγος*, не дает распасться противоречивому и изменчивому, текучему и беспорядочному) и Зенона, сформулированные которым парадоксы континуума иллюстрируют эту противопоставленность непреходящего подлинного бытия множественному и текучему миру. Однако наиболее важными являются взгляды Платона, Аристотеля и Плотина, различные элементы учений которых о времени и вечности были усвоены Августином и Отцами Церкви, получившими классическое «греческое» риторико-философское образование и потому даже в споре с «философами» говорившими на языке последних, оперируя теми же понятиями и сходным образом их интерпретируя. Через эти сочинения элементы представлений мыслителей Античности были восприняты Оттоном Фрейзингенским.

Платон, подобно своим предшественникам, представляет себе время как последовательность моментов, то есть множество, континуум, и связывает понятие Единства с вечным образцом, подвижным образом которого является время. Аристотель вводит понятие непрерывности движения, обуславливающего непрерывность времени (в котором актуальное настоящее возможно только в горизонте возможного будущего, по отношению к которому это настоящее оказывается прошлым) и пути. Бытие как полная действительность существующего есть действие, осуществляемое во времени и, таким образом, тоже непрерывно, вечно. Плотин, в свою очередь, определяет вечность как умопостигаемое бытие (*νοητὴ οὐσία*), которому свойственна неизменность и неподвижность (*στάσις*), тождество с самим собой, абсолютная самоидентичность и самодостаточность. Время же возникает вместе с космосом как подвижный образ, созданный «беспокойно-деятельной» душой, которая была не в силах успокоиться в достигнутой ею полноте обладания. Как и у Платона, время и вечность у Плотина относятся к двум разным пластам бытия, имеющим разный онтологический статус, - идея, несомненно, ключевая для христианских мыслителей.

Во втором параграфе речь идет об интерпретации понятий времени и истории, данной Аврелием Августином, заложившим основания христианского богословия. Именно на сочинения Августина в первую очередь ссылались монахи-ученые и мистики, рассуждающие о исторических перипетиях и грядущем конце света, и неудивительно, что для нечуждого монастырской учености цистерцианца Оттона Августин и написавший по заказу последнего свою «Историю против язычников» Павел Орозий стали «светочами», позволяющими увидеть за бесконечными превращениями и переменами логику божественного замысла.

Занимавшая в той или иной степени всех великих философов древности связь времени и души не могла не привлечь внимания Августина, «новизну» взглядов которого определяет заметное изменение, которое претерпел статус индивидуальной человеческой души. Вечность принадлежит Богу, а время – созданному Богом миру, они обладают разным онтологическим статусом; сохраняется у Августина и связь вечности с неизменностью, а времени с изменчивостью и текучестью. Но Августин неожиданным образом видоизменяет сам вопрос о времени, спрашивая о *месте*, где находятся будущее и прошлое. Измерение времени происходит в индивидуальной человеческой душе, а его существование связано с жизнью, «напряжением и растяжением» последней.

Восхождение в вечность, спасение от бременной, временной жизни возможно, но, тем не менее, происходит лишь по воле Бога: действия свободной воли для этого недостаточно, хотя ее значение для Августина трудно переоценить. Понятие порядка и законосообразности было важно как для античной, так и для средневековой культуры, но люди двух разных эпох по-разному расставляли акценты: интерес христиан привлекали, в первую очередь, изменчивость вещей и необратимость потока времени, а не строгие и симметричные пространственные структуры. Но при всей важности представлений о необратимости времени, оно отчасти теряет у Августина свою значимость, когда речь заходит о божественном предопределении. Время является для человека жизненной реальностью, тогда как акт творения абсолютно неизменного Бога осуществляется не во времени, а в вечности. По словам А.А. Столярова, само провидение является всего лишь уловкой неспособного помыслить вечность человеческого разума; оно применимо к Богу лишь условно. Бог не понуждает человека к поступку, Он лишь знает о нем, и единственной неизбежностью для свободы воли оказывается только само ее существование⁴². Таким образом, эсхатологический историзм Августина несвободен от противоречий и подчас граничит с отрицанием историзма, что хорошо видно на трактовке им «истории» двух градов. Представление о внутреннем движении исторического процесса, о возможности последовательного и закономерного перехода от одного состояния к другому как в случае индивидуальной человеческой души, так и всего мироздания, по-видимому, появилось позже и завоевывало позиции довольно медленно.

В **третьем параграфе** дается более подробное изложение августиновых представлений о двух градах, рассказывается об «Истории против язычников» Павла Орозия, написанной им в качестве иллюстрации к теологии истории Августина, а также рассматриваются некоторые жанровые особенности средневековой историографии. Прежде всего, мы останавливаемся на обстоятельствах написания Августином трактата «О граде Божьем»: падении Рима, повлекшем за собой необходимость защиты христианства от язычников и наставления поколебавшихся в своей вере христиан. Рассуждая о своем времени, о несчастьях, постигших римских граждан и о перспективах

---

⁴² Столяров А.А. Свобода воли как проблема европейского морального сознания. М., 1999. – С. 130-131.

человеческого счастья, Августин указывает, что подлинным счастьем является добродетельная жизнь в соответствии с истиной (т.е. Богом): но вести такую жизнь на земле невозможно, а значит, невозможно и обретение в земной жизни подлинного счастья.

Если бы люди не поддавались соблазну и были бы способны всегда и по доброй воле поступать в соответствии с велениями истины, никому не пришлось бы ни подчиняться, ни повелевать. В этом случае людей связывал бы особый род любви, *caritas*, предполагающей уважение, нежность и заботу о ближнем. Но неверно понимаемая любовь (любовь эгоистическая, любовь к себе в ущерб любви к ближнему и, в особенности, к Богу) рождает *libido dominandi* (стремление к господству над другими людьми, позволяющему поступать по собственному произволу), и, как следствие этой любви, с одной стороны, и в стремлении смягчить последствия человеческой склонности к греху, с другой, вводятся наказания для преступающих законы общезначимости и поощрения для соблюдающих их, появляется государство, в рамках которого можно достичь некоторой степени счастья. Поэтому Божий град, жителей которого связывает *caritas*, не соотносится Августином ни с каким государственным образованием. Два града это, скорее, моральные категории. Человек должен смиряться перед земными правителями потому, что ему приличествует смирение перед лицом Бога, покорность Его решениям и Его замыслу, которые человек не в силах понять и контролировать.

Автор первой христианской хроники, Павел Орозий создал своего рода иллюстрацию к этим рассуждениям Августина. Однако прежде чем перейти к характеристике этого произведения, мы останавливаемся на жанровых особенностях средневековой историографии, подчеркиваем, что в ту эпоху «история» рассматривалась как литература. Выделялись определенные жанры («анналы», «хроника», собственно «история» и т.д.), широко использовались формулы и штампы, авторы-составители придерживались определенных «правил этикета», отчасти унаследованных от историков Греции и Рима, хотя античные принципы написания исторических сочинений существенным образом видоизменились. «История против язычников» Павла Орозия – образец жанра всемирной хроники. Единое повествование распадается у Орозия на множество отдельных рассказов, связанных хронологически и благодаря авторским отступлениям (по-видимому, именно в стремлении «интегрировать» разнородный материал автор совмещает несколько систем хронологических ориентиров). Важен лейтмотив сочинения Орозия: постоянство, с которым обрушиваются на людей страшные бедствия и то, что винить в этих бедствиях людям следует лишь себя и свое злоупотребление свободой воли. Весьма вероятно, что именно этот урок Оттон Фрейзингенский извлек из сочинения превозносимого им «светоча Церкви» и постарался преподать своим читателям.

В четвертом параграфе содержится анализ «Хроники, или Истории о двух градах», причем для рассмотрения привлекаются также и фрагменты «Деяний императора Фридриха». Именно в первой из четырех книг этого произведения читатель находит небольшой «философский трактат», на основании которого можно сделать вывод о взглядах Оттона на

взаимоотношения Бытия и сущего, а, следовательно, вечности и времени. В данном экскурсе Оттон Фрейзингенский в значительной степени опирается на идеи Гилберта Порретанского, выдающегося метафизика XII века. Согласно Гилберту, во всякой вещи следует различать то, какова она (*id quod est*), то есть реальность этой вот данной вещи, ее субстанцию, «этость», и то, благодаря чему она есть (*id quo est*), предсущее или субсистенцию. Так, субстанцией является конкретный человек, например, Сократ, а человечность Сократа – это его субсистенция. Всякая индивидуальная вещь становится благодаря своему *quo est* тем, что она есть (*quod est*). А это как раз та самая причастность к безусловному бытию (*ipsum esse*), необходимость которой так ясно понимали средневековые платоники, а значит, предельное *quo est* – это само бытие (*esse*), то есть Бог. Таким образом, *id quod est* в Боге совпадает с *quo est*. Целью Оттона, частично воспроизводящего рассуждения Гилберта, является демонстрация той непреодолимой пропасти, которая отделяет творение от Творца, и того, что «среди всех возникших естественным путем вещей нет ничего более сложносоставного, чем человек», который по этой причине более всего прочего «подвержен разложению», а значит – беспрестанным изменениям, мытарствам и бедствиям. Разделяя унаследованное Средневековьем от Античности представление о гармоническом единстве микрокосма и макрокосма, человека и Вселенной, Оттон сравнивает природную слабость, неустойчивость человеческого тела с такой же ненадежностью и изменчивостью судеб отдельных людей, государств и всего человечества.

Таковы основания, исходя из которых Оттон Фрейзингенский выстраивает свои исторические сочинения. Ход истории (самим Оттоном, что крайне важно, понимаемой как трагедия) определяют у него два закона: «закон всеобщей изменчивости» и «закон бедствий». Кроме того, в «Хронике» мы обнаруживаем сочетание «больших» систем хронологических ориентиров с «малыми», «вспомогательными», живо напоминающее об «Истории» Орозия. Можно предположить, что все эти символы и учения оказываются необходимыми Оттону для создания как можно более целостного взгляда на историю: он занимается своеобразной «исторической экзегезой», различая за буквальным значением описываемых им событий аллегорический, символический, анагогический смысл, и продвигаясь к пониманию «незримого через зримое».

Разумеется, первостепенную важность имеет для Оттона заимствованное у Августина учение о двух градах: земном и небесном. Таким образом, мировая история представляет собой борьбу двух противоположных начал. Однако в отличие от Августина, Оттон уделяет особое внимание земному граду, не имеющего у него отрицательных коннотаций: именно история земного града с его четырьмя царствами, последнее из которых, Римская империя, вступает, по мысли Оттона, в заключительный период своего существования, оказывается в центре его внимания. Причем если у Августина оба града пребывают в мире неизменными, то у Оттона Фрейзингенского появляется градация их состояний, своеобразное разнонаправленное параллельное движение от процветания к упадку: связи между этими состояниями-стадиями не слишком тесные,

переходы от одной из них к другой объясняются «переменчивостью и превратностью земных дел», и искать здесь идею исторического прогресса, без сомнения, было бы ошибкой. И все же перед нами новый этап историко-социальной мысли.

В связи с этим трансформируется и толкование божественного предопределения: не отрицая, что божественная воля определяет ход событий, Оттон, тем не менее, отводит существенное место случайности, которая изменяет судьбы людей и окружающий мир согласно их собственной природе. Это приводит к тому, что участь человека (разумеется, лишь в самой незначительной степени) начинает зависеть от него самого и от внешних обстоятельств.

Помимо «странствия Божьего града среди нечестивых» и превратностей судьбы, играющей отдельными людьми и целыми царствами, содержание истории у Оттона составляет также восходящая к толкованию св. Иеронимом пророчества Даниила идея перехода всемирной земной власти от одного из четырех царств («монархий», то есть «единовластий») к другому. С таким «переносом» (*translatio*) власти тесно связан у Оттона перенос знания и благочестия. При этом следует отметить, что именно фрейзингенский епископ был одним из первых мыслителей, указавших на то, что ученость и власть – соучастники, а идея о теснейшей связи образованности и подлинной набожности была, как мы видели, крайне характерна для интеллектуалов начала XII века (с этой точки зрения очень показателен рассказ Оттона о великих философах Античности). Оттон дотошно реконструирует процесс *translatio*, стараясь не упустить ни одной сюжетной линии, и завершает собственно «историческую» часть своей «Хроники» возвышенным рассказом о том, как из Египта и Галлии подлинная мудрость, очевидным образом связываемая им с христианской мыслью и полной философского спокойствия жизнью в монастыре, перешла в Германию. Продолжение этого сюжета можно увидеть и в «Деяниях Фридриха», где расцвету германских земель под властью Фридриха Барбароссы соответствует расцвет учености в школах Галлии и Испании. Однако уже тот факт, что ученость достигла этих земель, подводит к мысли, что конец мира близок: ей некуда распространиться дальше – ведь Геркулесовы столпы отмечают внешний край мира, и Оттон, как и его современники, может «не только верить, но и на деле видеть», как одряхлевший мир выпускает последний вздох.

Как уже отмечалось, противопоставление вечного и временного градов не доводится Оттоном до логического конца. И основное отличие взглядов фрейзингенского епископа от учения, сформулированного Августином, заключается не только в пристальном внимании первого к истории земного града, но и то, что со вступлением императора Константина в сообщество избранных и подписанием Миланского эдикта (и окончательно – в период правления Феодосия) два града перестают существовать по отдельности, как противостоящие друг другу, а образует единый, смешанный город (*civitas permixta*), который должен будет окончательно очиститься с началом событий, описанных в Апокалипсисе. В отличие от учения Августина, оба града имеют у

Оттона не только метафизическое и этическое значение: они вполне историчны и на те или иные их проявления можно прямо указать. Важно также то, что говоря о конфликте духовных и светских властей, он противопоставляет *regnum* (царство) и *sacerdotium* (священство), а не *regnum* и *ecclesia*: Церковь является для него сообществом всех верующих, включает в себя Царство, объемлет и клириков, и мирян. Отсюда общность интересов и духовных, и светских властей, и нежелание четко отделять их одну от другой. Паритет, несомненно, существует – но этот паритет достигается внутри Церкви: папа и император занимают в этой общности сходное положение, однако у каждого из них особые функции. Действуя в согласии, они вдвоем трудятся для вящей славы Церкви.

Итак, представления Оттона о двух градах существенным образом отличаются от представлений Августина. Это вполне ожидаемо: за прошедшие века изменилось положение христианской Церкви, не раз претерпели значительные изменения ее отношения со светскими властями, менялось значение самого слова *ecclesia*, понимаемой теперь не только мистически, но и исторически.

В **Заключении** подводятся итоги исследования.

Публикации в периодических и продолжающихся изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных результатов диссертационного исследования:

1) Оттон Фрейзингенский в традиции отрицательной теологии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина, № 3, том 2, серия философия. СПб, 2009. - С. 53-62. 0,5 п. л.

Публикации в других изданиях:

2) История как трагедия у Оттона Фрейзингенского // Религиозно-нравственные трансформации европейской культуры: от Средних веков к Новому времени. Альманах. Verbum. Вып. 10. СПб, 2008. - С. 177-186. 0,5 п. л.

3) Учение о двух мечях и его интерпретация у Оттона Фрейзингенского // История мировых цивилизаций: человек во власти и перед лицом власти / под ред. Д.В. Григорьева. Красноярск, 2009. - С. 70-82. 0,5 п. л.

4) Оттон Фрейзингенский о философии и философах (предисловие к переводу) // Диспозиции Средневековья в истории мировой культуры. Альманах. Verbum. Вып. 12. СПб, 2010. - С. 181-188. 0,2 п. л.

5) Оттон Фрейзингенский. Хроника, или История о Двух Градах. Книга вторая. Главы 7, 8 (перевод, комментарии) // Диспозиции Средневековья в истории мировой культуры. Альманах. Verbum. Вып. 12. СПб, 2010. - С. 189-193. 0,3 п. л.

Подписано в печать 09.11.2010 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,2. Тираж 100 экз.
Заказ № 1787.

Отпечатано в ООО «Издательство "ЛЕМА"»
199004, Россия, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>